

DOI 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-99-108

УДК 94(47).05

Анриан Афанасьевич Борисов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8285-6421
E-mail: a_a_borisov@mail.ru

Елена Васильевна Самрина

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Абакан, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4748-2460
E-mail: esamrina@mail.ru

Интеграция иноверческих элит хакасов и якутов в состав Российского государства в эпоху Петра I: проблемы идентичности

АННОТАЦИЯ. В период правления Петра I были достигнуты успехи в дальнейшей интеграции народов Сибири в состав России. В первую очередь речь идет о развитии и трансформации властных отношений правящей элиты иноверческих народов в системе косвенного управления государством, в частности у хакасов и якутов, двух родственных по языку, культуре и происхождению народов. Фокусируется внимание на характере взаимоотношений между представителями элит этих народов с государственными институтами России, установившимися в период петровских преобразований. Ставится вопрос об особенностях рассматриваемого этапа в формировании системы управления на национальных окраинах империи. Новизна работы заключается в сравнительно-сопоставительном анализе отношений правящей элиты хакасов и якутов к российскому государству, позволяющем проследить общие закономерности в его региональной политике. Характеризуется участие местных элит в региональном управлении и механизмы встраивания в российскую модель управления. Обращается внимание на пророссийски ориентированную часть иноверческой элиты. Рассматривается социально-политический статус этнических элит и основные тенденции его трансформации в структуре российского государства в период интеграции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эпоха Петра I, российское государство, хакасы, якуты, иноверческие элиты, интеграция, идентичность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Борисов А. А., Самрина Е. В. Интеграция иноверческих элит хакасов и якутов в состав российского государства в эпоху Петра I: проблемы идентичности. *Кунсткамера*. 2022. 1(15): 99–108. doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-99-108

Andrian Borisov

Institute of Humanities and the Indigenous peoples of the North of SB RAS
Yakutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8285-6421
E-mail: a_a_borisov@mail.ru

Elena Samrina

Khakass Scientific Research Institute Language, Literature and History
Abakan, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4748-2460
E-mail: esamrina@mail.ru

Integration of the Heterodox Elites of the Khakass and Yakuts into the Russian State in the Epoch of Peter I: Problems of Identity

ABSTRACT. During the reign of Peter I, progress was made in the further integration of the peoples of Siberia into Russia. First of all, we discuss the development and transformation of power relations of the ruling elite of heterodox peoples in the system of indirect government of the state, in particular, among the Khakass and Yakuts, two peoples who are related in language, culture and origin. The work focuses on the nature of the relationship between representatives of the elites of these peoples with the state institutions of Russia, established during the period of Peter's reforms. The question is raised about the peculiarities of this stage in the formation of the state system on the national outskirts of the Empire on the basis of the two named examples. The novelty of the work is a comparative analysis between them, which allows us to trace some general patterns in the regional policy of the Russian state. The paper characterizes the participation of local elites in regional governance and the mechanisms of integration into the Russian model of governance. Attention is drawn to the pro-Russian oriented part of the heterodox elite. The socio-political status of ethnic elites and the main trends in its transformation in the structure of the Russian state during the period of integration are considered.

KEY WORDS: the epoch of Peter I, the Russian state, Khakass, Yakuts, heterodox elites, integration, identity

FOR CITATION: Borisov A., Samrina E. Integration of the Heterodox Elites of the Khakass and Yakuts into the Russian State in the Epoch of Peter I: Problems of Identity. *Kunstkamera*. 2022. 1(15): 99–108. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-99-108

ВВЕДЕНИЕ

Время правления Петра I — конец XVII в. и первая четверть XVIII в. — в истории России составило целую эпоху. Петр предпринял попытку создания регулярного государства, в котором каждый подданный имел свои возложенные на него функции, причем все стороны его жизни были регламентированы. Власть царя основывалась на рационалистических и провиденциалистских идеях (Феофан Прокопович). Все сословия и народы, находившиеся в составе России, становились подданными и должны были служить независимо от происхождения и знатности. В истории народов, населявших Сибирь, деятельность царя также сыграла немалую роль. Правительство Петра I продолжило политику сотрудничества с иноверческими элитами.

Петр I как глубоко верующий человек придавал большое значение политике крещения неправославного населения России. Как считается в историографии, в этом были достигнуты определенные успехи именно в Сибири (Акишин 2015). В 1706 г. указом царя все иноземцы Сибири подлежали крещению по православному обряду. Сподвижник царя-реформатора Филофей Лещинский, назначенный митрополитом Сибирским и Тобольским, в рамках указа намеревался открыть школы в Иркутске, Енисейске, Якутске. На территории Хакасии в 1710 г. были крещены сотни иноземцев (Асочакова 2004: 50). Факты крещения имели место и в Якутии. Именно поэтому по указу царя в Якутске в 1706–1728 гг. был выстроен знаменитый каменный Троицкий собор.

Наконец, в этот период начинается систематическое научное изучение Сибири (экспедиции Д. Г. Мессершмидта 1719–1727 гг., Камчатские академические экспедиции В. Беринга 1724–1729 гг.), сыгравшие заметную роль в экономике региона.

Исследование состава и статуса иноверческих родовых элит, их роли в процессе присоединения к России, в региональном управлении, интеграции могут способствовать более полному пониманию исторических процессов, которые протекали внутри традиционных социумов, и взаимоотношений последних с государством в рассматриваемое время и в более поздние периоды. Научные исследования иноверческой элиты южных (хакасов) и северных (якутов) тюрков того времени неполные и даже скудные, что, несомненно, ослабляет концептуальный потенциал не только новой истории империи, но и исторической науки в целом.

Сравнительно-исторический аспект избран нами в связи со стремлением выявить общее и особенное в вышеназванных процессах, протекавших среди двух родственных по языку и культуре народов. Интерес представляет зависимость методов интеграции от формы вхождения в состав государства. Рассматриваемые народы также объединяет улусная система, повсеместно распространенная среди кочевых, преимущественно тюрко-монгольских, народов, при которой, безусловно, главную роль играли улусные элиты. Особенности улусной организации (кочевой характер, привязанность властных институтов не к территории, а к населению, генеалогическая иерархия власти и т. д.) могли по-разному развиваться в условиях присоединения к Российской империи. Интерес представляет то, как эта система взаимодействовала с русским государством.

Теоретико-методологической основой исследования являются наработки отечественной и зарубежной историографии об интеграции национальных окраин в состав российского государства на принципах патерналистской политики. Большую роль в методологическом плане играют достижения номунологии о характере властных институтов кочевых народов на путях интеграции в состав империй. Разработка концептуальных категорий «старший — младший», подданства и подчинения, сотрудничества государства с иноземскими элитами также составляют основу нашего исследования (Каппелер 2000; Шерстова 2005; Крадин, Скрынникова 2006; Сибирь в составе... 2007; Дамешек, Дамешек 2014; Трепавлов 2018). Кроме того, авторы использовали опыт собственных исследований и наблюдений по вопросам функционирования этнических элит.

Источниками исследования послужили русские документы XVII–XVIII вв.: именные указы, шертовальные грамоты, ясачные книги, наказы, памяти, челобитные ясачных иноземцев и другие акты источники.

ИНОВЕРЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ: ДЕФИНИЦИИ

Под «элитами» в данном случае мы понимаем глав улусных объединений разного уровня. Это главы кровнородственных групп и более крупных объединений — собственно улусов. Среди якутов это «лутчие люди», которые, очевидно, возглавляли патронимические группы — «ага уустара» («роды», часть немногочисленных по составу «волостей»). К последним принадлежали «тоены» — «князцы». Лишь однажды в отношении кангаласского предводителя Тынина (Тыгына) использован титул «тайша». Очевидно, что так русские служилые люди хотели подчеркнуть высокий статус князя, позаимствовав термин из титулатуры, которая применялась в отношении родственных тюрко-монголоязычных народов Южной Сибири. Эти две дефиниции в отношении якутской элиты фигурировали и в эпоху Петра I.

Ко времени вхождения Хакасии в состав России в 1727 г. родовая аристократия прошла длительный путь развития: от государственности до полной потери политической самостоятельности и увода ее значительной части на территорию Джунгарии в 1703 г.

Элитарная часть населения Среднего Енисея известна в русских документах XVII–XVIII вв. под общим названием «кыргызы», территория их обитания, вошедшая в русские документы как «Кыргызская земля», делилась на четыре улуса. Кыргызы в начале XVII в. контролировали огромную территорию Южной Сибири, включавшую Северный Алтай на северо-западе, бассейн реки Кан на северо-востоке, весь Кузнецкий Алатау на западе, западные отроги Восточного Саяна на востоке.

На вершине социальной иерархии в XVII — начале XVIII в. стояли беги (в русских документах названные князцами), связанные родственными узами с правителями и высшими чиновниками времен Кыргызского каганата IX–XIV вв. Кыргызских князей в разное время насчитывалось от 50–100 до 300 человек, они правили во всех четырех улусах, а в состав высшей знати входило примерно 50 человек. Среди них выделялся верховный, или старший, бег Алтысарского улуса, которому подчинялись три других главных бега (улусные князья) (Абдыкальков 1968: 11, 20). Но выходцы из рода верховного бега по сравнению с улусными имели определенные привилегии и преференции.

В «Якутской земле» среди 35 ясачных волостей выделялись шесть улусов, каждая численностью до пяти тысяч человек. В каждой русские власти выделяли князцов. Всего вместе с клановыми главами в этих улусах насчитывалось от 20 до 40 князцов.

В Якутии в 1725 г. произошло укрупнение прежних 35 ясачных волостей, которые в основном представляли собой «родовые» объединения в пять больших улусов. В этих новых объединениях стали выделяться главные князцы, т. е. начал выделяться высший слой якутской знати. В будущем их назовут, наподобие татарских голов, улусными головами. Представители этой страты осознавали свое значение, и именно они активно действовали в дальнейшем, представляя интересы уже более крупных улусных объединений перед царской администрацией.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИНТЕГРАЦИИ

Если присоединение якутов к Российскому государству произошло в сравнительно короткий срок в 1630–1640-х годах, то Хакасия окончательно вошла в состав России только в эпоху правления Петра I. Решительные шаги в этом направлении предпринимались в последней четверти XVII и первой четверти XVIII вв. Исторический сценарий вхождения этих территорий в состав России, статус инноверческой элиты хакасов в новом государстве были тесно связаны с деятельностью инноверческой родовой элиты.

Активная завершающая фаза процесса присоединения шла одновременно с процессами интеграции инноверческой элиты в состав российского государства, что, несомненно, сказалось на характере их взаимоотношений. Сторонам не удалось прийти к компромиссным решениям по двум

основным вопросам: статус вхождения кыргызов в состав России и порядок, условия сбора ясака и албана с кыштымов. Социально-экономический институт кыштымства, функционировавший на протяжении тысячелетий, являлся основой хозяйственных и экономических отношений кыргызов и зависимого населения. Поэтому меры, предпринимаемые русской стороной по запрету сбора ясака кыргызами, означали политическое крушение Кыргызских улусов.

Одним из тактических просчетов русского государства, повлиявших на взаимоотношения с кыргызами, было обложение данью самих кыргызов. Ясачная повинность воспринималась последними весьма болезненно. Они неоднократно обращались с просьбой заменить ее на военную службу. Во всех переговорах об уплате ясака кыргызы настаивали на том, что они люди военные и ясак платят не они сами, а их кыштымы¹. На протяжении XVII столетия кыргызы обращаются с просьбой об отмене ясачной повинности непосредственно в отношении самих себя. Например, в 1660-х годах «чтоб государь... ясаку с них имать не велел». В обмен на освобождение от ясака они обязывались приверстать «под иво государеву высокую руку точи, и саяны и моторы и бу克林цев и иные немирные землицы»². Отказ платить ясак вкуче с другими факторами приводил к жесткому военному противостоянию кыргызской аристократии и русской администрации.

Вторым камнем преткновения стал предполагаемый социальный статус кыргызов в новом государстве. Беги видели себя в составе России служилым сословием, о чем они неоднократно заявляли царю. И одним из главных условий вхождения в состав России было признание равноправия сторон и признание Россией их самостоятельности (Миллер 1941: 318; Бахрушин 1955: 213; Абдыкалыков 1968: 94).

Как альтернативу ясачной повинности и ясачного статуса в новом государстве кыргызские князья рассматривали переход в служилую категорию. Неизвестно, как бы сложились дальнейшие отношения, если бы царь удовлетворил их просьбу, изложенную в одном из обращений: «...а велит нам государь нам служить, как полным городом татаровя служат, и мы де государю прибыль учиним великую, тубинских и моторских и иные землицы многие под государеву высокую руку с казаками поведем» (Миллер 1941: 409–411).

До конца 1660-х годов политическая обстановка в Центральной Азии складывалась в пользу русского государства. Поэтому кыргызы были больше ориентированы на дипломатические отношения, нежели на военные. По мнению некоторых исследователей, среди верхушки енисейских киргизов усиливается прорусская ориентация (Быконя 1981: 37). Причем многие представители кыргызской аристократии были готовы принять русское подданство при условии того, что русские защитят их от набегов алтын-хана. Но корыстные интересы и недалекость сибирских воевод, а во многом и их предательство оттолкнули енисейских киргизов от российского государства (Чертыков 2007: 126–128).

Эскалация конфликта между противоборствующими сторонами, противостояние и военные экспедиции в улусы отмечаются в период возвышения кыргызского бега Иренека в последней четверти XVII в. Иренек как главный князь смог объединить силы четырех улусов и надолго приостановить продвижение русских в Южную Сибирь. Он, так же как его отец Ишей и дед Номчы, настаивал на признании союзнических отношений вместо ясачных (Бахрушин 1955). Ситуация осложнялась проджунгарской ориентацией енисейских кыргызов, Иренек выступал союзником ханства.

Уже после смерти Иренека кыргызы и джунгары выступили совместно против южносибирских острогов осенью 1700 г. Основной причиной недовольства со стороны кыргызов был Каштацкий острог, возведенный на западной границе Кыргызских улусов, и они требовали его сношения. План похода был тщательно продуман. Уничтожить острог не удалось, но воеводы были готовы пойти на его сношение. Однако в связи с тем, что Петр I придавал большое значение острогу,

¹ РГАДА. Ф. 214. Д. 8. Стб. № 886. Л. 16.

² Там же.

его не только оставили, но и укрепили. Серебряные рудники в этих местах могли значительно пополнить казну во время азовских походов и намечавшейся войны со Швецией.

В январе 1701 г. Петр I подписал указ о походе «на киргиз, и тубинцев, и алтырцов за их многое воровство и измены, и смирить их войною». В августе 1700 г. в южносибирские города поступил очередной указ Петра I «кыргызских людей смирить войною». В течение 1701–1706 гг. в улусы направляются большие отряды казаков (Копкоев 1965: 217).

Политическая и военная деятельность Иренека способствовала силовому варианту присоединения территорий Среднего Енисея к России, но в 1687 г. Иренек погиб, а в 1703 г. значительная часть кыргызской аристократии покинула свои земли: беги Алтысарского улуса Корчун Еренаков (сын Иренека), Тангыт Таин Иркин Алтырского и Шорло Мерген Исарского в июне 1703 г. вместе со своими улусными людьми ушли в «Калмыцкую землю». Беги и их сыновья (Чайлыш Тангытов, Бото, Санжар и др.) стали служить при урге Цэван Рабдана (Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 21).

После ухода значительной части енисейских кыргызов произошла смена родовой элиты. Напротив, представители якутской элиты довольно быстро перешли в подданство русского царя и очень рано стали воспринимать наложенный на них ясак не только как дань, но и как службу. С 1660-х годов они активно стали пользоваться правом подачи коллективных челобитных от имени якутского населения царю, которые сопровождалась депутациями в Москву. Например, коллективная челобитная намских князцов — сыновей тойона Мымака, Ники с братьями (1660 г.), депутация Нохто Никина, Мазары Бозекова, Трека Орсукаева (1676–1677 гг.), депутация Мазары Бозекова, Чуки Капчинова, Чугуна Бодоева (1680 г.).

Такие депутации были продолжены в петровское время. Так, в 1695 г. борогонский князец Турчак Бочуков «тайным обычаем» ездил в Москву с сыщиком Качановым для подачи сведений на злоупотребления якутского воеводы, в дальнейшем сибирского губернатора князя Гагарина.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: XVIII В.

На новых землях государство реализовывает стратегию политического, экономического подчинения и урегулирования отношений с родовой аристократией присоединенных территорий. В XVIII в. российское правительство начало переходить к юридическому определению правового положения пророссийски ориентированной иноверческой элиты, в частности к узакониванию их властных и должностных полномочий. По социальному составу они были выходцами из менее родовой среды. Но наряду с новой родовой элитой должности князцов, башлыков занимала старая потомственная аристократия, численность которой не превышала 4 % (Бутанаев 1987: 117). В их числе были кызыльский князь второй половины XVIII в. Гаврила Ульчугачев — потомок старой аристократии из земель бывшего Алтысарского улуса, и Чирка Картин из древнего правящего рода енисейских кыргызов, «особа очень важная, при появлении которой все его подданные падают ниц» (Беляев 1882: 313). Тамга в виде лука и стрелы, используемая башлыками вместо печати на официальных документах XVIII–XIX вв., была княжеской. Родовые предводители были объявлены «князцами», «лучшими людьми» и наделены различными привилегиями. За ними сохранялись их права и привилегии (владение землей, местная юридическая система, самоуправление). Взамен верховная власть требовала обеспечения сбора налогов (ясака).

В дальнейшем в связи с процессами административной интеграции должности низшего аппарата царской власти — князцов и башлыков — переходят к богатым скотоводам (баям). Занимая высшее социальное положение в традиционном обществе и самые низкие должности в управленческой иерархии, башлыки и князцы обладали максимально возможными властными полномочиями, в том числе по сбору ясака, раскладки податей, судебных функций в рамках традиционного права. Они основывались на признании со стороны русских властей. В то же время союза между башлыками и царской администрацией не было. Скорее речь идет о патернализме, получившем отражение в защите земельных угодий ясачных от посягательств переселенцев, запрете русским

селиться в пределах их территории, во введении определенных правил торговли с ясачными, в запрете на торговлю горячительными напитками, создании хлебных, экономических магазинов и т.д. Подобная форма взаимоотношений в виде патернализма преследовала цель увеличения поступлений доходов в казну в виде ясака. Именно поэтому власть защищала ясачных, но в определенных пределах и границах, не в ущерб собственным интересам. Таким образом, феномен патерналистской политики российского государства заключался в преследовании правящими кругами империи прагматичных целей при посредничестве иноземных элит (получение ясака, доступ к природным ресурсам, рекрутирование в служилое сословие).

Родовая элита хакасов, даже имея значительные материальные средства и властные полномочия, не получила сословных привилегий от российского государства, в том числе жалованных грамот, в отличие от родовой аристократии западносибирских потестарных образований. Известно, что значительные преференции предоставлялись в случае добровольного принятия подданства, помощи в строительстве острогов и участия в походах. А для основной массы пророссийски ориентированной элиты хакасов, вовлеченной в интеграционные процессы последней трети XVIII — первой половины XIX в., основной формой закрепления их статуса стала ритуально-символическая атрибутика (должности в системе регионального управления, награды, освобождение от ясака и т. п.).

Статус представителей якутской элиты заметно стал меняться в эпоху Петра I. Из ее среды стали появляться дворяне. По данным В. Ф. Иванова, на рубеже XVII–XVIII вв. насчитывалось около десятка якутов, которым был присвоен чин сына боярского: Кисикей Сахалтин (Леонтий Львов), Иван Львов, Иван Румянцев из Мегинской волости, Павел Иванов, Иван Михайлов, Василий Иванов сын Котосов из Кангаласской волости, Быртык Арчиков (Иван Лихачев) из Батурусской волости и др. (Иванов 1992: 147–148). Причем все они переходили в православие и заступали на вакантные места русских казаков, которые выбыли со службы чаще всего по причине смерти. Интересно, что некоторые из них были крещены, будучи в Москве (Леонтий Львов, Иван Лихачев, например). Эти новокрещенные якуты, ставшие казаками, выполняли те же функции, что и русские казаки: собирали ясак и отвозили его в Якутск и далее, в Москву. Также обращает на себя внимание тот факт, что при переходе в служилое сословие они переставали числиться ясачными, так как их ясачные оклады перекладывались на других якутов. Так, ясачный оклад Ивана Румянцева был переведен на его племянника Модякая (Иванов 1992: 148). Из числа представителей высшей якутской знати был родом Федор Матвеев — первый якутский дворянин. Его отец Откон был сыном Турчака — одного из сыновей знаменитого мегинского тойона Быяна (Быйанг Тенюлю шамана) (Попов 2001: 48–49). Эта тойонская семья прославилась тем, что один из ее представителей, Трек Орсукаев, другой отпрыск тойона Быяна, был в составе первой делегации якутских тойонов 1676–1677 гг., побывавшей в Москве на приеме у царя. Правительство продолжило практику пожалований служилых чинов представителям якутской элиты, допуская некоторых из них в более высшие страты.

Так, 22 февраля 1709 г. Федор Матвеев был пожалован в дворяне по московскому списку³, о чем многозначительно писал спустя годы голова Борогонского улуса Алексей Аржаков (Софронеев 1972: 111). Таким образом, создалась предпосылка для более тесной интеграции представителей якутской элиты в составе российского служилого сословия.

Таким образом, вливаясь в состав служилого населения, часть представителей якутской элиты стала участвовать в региональном управлении в качестве сборщиков ясака. Централизация и бюрократизация государственного управления заметно повлияли на статус якутской элиты. Если до губернской реформы 1708 г. якутские воеводы как доверенные лица царя представляли собой высший слой аристократии и соответственно подданные, жившие на далекой окраине, в лице воевод видели непосредственного представителя царя, то теперь положение изменилось. Якутский

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1796. Л. 3.

уезд оказался в самом низу региональной системы управления. Отныне между верховной властью и представителями иноземной элиты, помимо местных воевод, встали провинциальные воеводы и сибирские губернаторы. Кроме того, ясачные сборщики стали превращаться в могущественных местных чиновников-комиссаров.

ВЫВОДЫ

Таким образом, к приходу русских якутская знать ранжировалась на двух улусных уровнях: клановом и надклановом. У хакасской знати имелся еще третий высший слой — кыргызские беги. Часть якутской знати принимается на службу также в качестве дворян — ясачных сборщиков. Некоторые из них получают русское образование. После увода значительной части кыргызской аристократии в Джунгарию в 1703 г. место новой родовой элиты занимают бай. Они приспособились к новым политическим и социально-экономическим реалиям в составе Российской империи. Прорусски ориентированная часть родовой элиты приняла крещение, владела русским языком. Ее представители, как правило, назначались князьями. В данном случае речь идет о кадровой русификации, связанной с введением правил делопроизводства и назначением чиновников с расчетом на русификаторский эффект (Миллер 2006: 72–74). Изменения произошли и в социокультурном плане (строительство домов по русскому типу, русская одежда и т. д.). Принятие другой веры следует рассматривать в качестве одного из факторов социального лифта и выражения политической лояльности. Интеграция и инкорпорация родовой элиты хакасов в новую политическую систему и идеологию протекали интенсивно и были обусловлены сменой социально-политического статуса элиты, правового статуса их территорий.

Состав рассмотренных элит усложнился. Сохранились высшие страты (улусные князья) и второстепенные улусные предводители на уровне «родов» (родовые князья). Кроме того, часть представителей элиты сливается с русским служилым сословием. Распространение имперской идеологии приводит к осознанию себя представителями элит хакасов и якутов как части Российской империи.

Инкорпорирование иноверческих элит хакасов и якутов отражает многообразие типологий и способов интеграции в состав России, которые определялись различными факторами, в том числе формами вхождения в состав государства (например, отсутствие/присутствие военного сопротивления). Вне зависимости от характера присоединения той или иной сибирской территории государство в дальнейшем не было нацелено на продолжение репрессий. Тенденции российской политики были ориентированы на интеграцию иноверческих элит и привлечение ее на государственную службу. Сохранение в ее руках функций в сфере внутреннего самоуправления, традиционного права, судопроизводства, освобождение от ясачной повинности способствовало быстрому включению элит в интеграционные процессы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдыкалыков А.* Енисейские киргизы в XVII веке (исторический очерк). Фрунзе: Илим, 1968.
- Акишин М. О.* Петр Великий и православная миссия среди народов Сибири // Меншиковские чтения — 2015: научный альманах / науч. ред. П. А. Кротов. Вып. 6 (15). СПб.: XVIII век, 2015. С. 10–31.
- Асочакова В. Н.* К проблеме крещения хакасов в XVIII — первой четверти XIX вв. // Макарьевские чтения: материалы III междунар. конф. (21–22 ноября 2004 г.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. С. 48–56.
- Бахрушин С. В.* Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 176–224.
- Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом, 1805–1850. Ч. 1. СПб.: А. С. Суворин, 1882.
- Быконя Г. Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981.

- Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX — начало XX вв.). Абакан: Хакас. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1987.
- Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв. Абакан: Хакас. гос. ун-та, 1995.
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII — начале XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014.
- Иванов В. Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII — начало XIX в.). Новосибирск: Наука, 1992.
- Каппелер А. Россия — многонациональная империя. М.: Традиция; Прогресс-Традиция, 2000.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006.
- Копкоев К. Г. Присоединение Хакасии к России: дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 1965.
- Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2006.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. М.; Л.: АН СССР, 1941.
- Попов Г. В. Мегинцы у царя // Мегино-Кангаласский улус: история, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2001. С. 48–49.
- Сибирь в составе Российской империи. М.: НЛО, 2007.
- Софронеев П. С. Якуты в первой половине XVIII века. Якутск: Кн. изд-во, 1972.
- Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. 2-е изд. М.: Квадрига, 2018.
- Чертыков В. К. Хакасия в XVII — начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007.
- Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX в. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005.

REFERENCES

- Abdykalykov A. *Eniseiskie kirgizy v XVII veke (istoricheskii ocherk)* [Yenisei Kyrgyz in the 17th Century (Historical Sketch)]. Frunze: Ilim, 1968. (In Russian)
- Akishin M. O. Petr Velikii i pravoslavnaia missiia sredi narodov Sibiri [Peter the Great and the Orthodox Mission among the Peoples of Siberia]. *Menshikovskie chteniia — 2015: nauchnyi al'manakh* [Menshikov Readings — 2015: Scientific Research Al'manakh]. St. Petersburg: XVIII vek, 2015, vol. 6 (15), pp. 10–31. (In Russian)
- Asochakova V. N. K probleme kreshcheniia khakasov v XVIII — pervoi chetverti XIX veka [On the Problem of the Baptism of the Khakas in 18th — the First Quarter of the 19th Centuries]. *Makar'evskie chteniia: Materialy tret'ei mezhdunarodnoi konferentsii: (21–22 noiabria 2004 goda)* [Makariev Readings: Materials of the third International Conference: (November 21–22, 2004)]. Gorno-Altaysk: RIO GAGU, 2004, pp. 48–56. (In Russian)
- Bakhrushin S. V. Eniseiskie kirgizy v XVII veke [Yenisei Kyrgyz in 17th Century]. *Nauchnye Trudy, tom III. Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vekov. Chast' 2. Istoriia narodov Sibiri v XVI–XVII vekakh* [Scientific Works, vol. III. Selected Works on the History of Siberia in the 16th–17th Centuries. Pt. 2. History of the Peoples of Siberia in the 16–17th Centuries]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1955, pp. 176–224. (In Russian)
- Beliaev A. P. *Vospominaniia dekabrsta o perezhitom i perechuvstvovannom, 1805–1850* [Memoirs of the Decembrist about What he Experienced and Felt, 1805–1850]. Pt. 1. St. Petersburg: A. S. Suvorin, 1882. (In Russian)
- Bykonja G. F. *Zaselenie russkimi Prieniseiskogo kraia v XVIII veke* [Settlement by Russians of the Yenisei Region in 17th Century]. Novosibirsk: Nauka SO RAN, 1981. (In Russian)
- Butanaev V. Ya. *Sotsial'no-ekonomicheskaia istoriia khakasskogo aala (konets XIX — nachalo XX veka)* [Social and Economic History of the Khakass Aal (Late 20th — Early 20th Centuries)]. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoarskogo knizhnogo izdatel'stva, 1987. (In Russian)
- Butanaev V. Ya., Abdykalykov A. *Materialy po istorii Khakasii XVII–XVIII vekov* [Materials on the History of Khakassia in the 17th–18th Centuries]. Abakan: Khakasskii gosudarstvennyi universitet, 1995. (In Russian)
- Dameshek L. M., Dameshek I. L. *Iasak v Sibiri v XVIII — nachale XX veka* [Yasak in Siber in 18th — Beginning 20th Centuries]. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. (In Russian)
- Kappeler A. *Rossia — mnogonatsional'naia imperiia* [Russia is Multinational Empire]. Moscow: Traditsiia; Progress-Traditsiia, 2000. (In Russian)
- Kradin N. N., Skrynnikova T. D. *Imperiia Chingis-khana* [Empire of Chingis-khan]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2006. (In Russian)

Ivanov V. F. *Sotsialno-ekonomicheskie otnosheniia v Iakutii v kontse XVII — nachale XIX veka* [Socio-Economic Relations in Yakutia in the Late 17th — Early 19th Century]. Novosibirsk: VO “Nauka” Sibirskaia izdatelskaia firma, 1992. (In Russian)

Kopkoev K. G. *Prisoedinenie Khakasii k Rossii* [Joining Khakasia to Russia]. PhD diss. Abakan, 1965. (In Russian)

Miller G. F. *Istoriia Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 2. Moscow-Leningrad: Akademiia nauk SSSR, 1941. (In Russian)

Miller A. *Imperiia Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia* [The Empire of the Romanovs and Nationalism: Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow: NLO, 2006. (In Russian)

Popov G. V. Meginty u tsaria [Meginty at the King]. *Megino-Kangalasskiy ulus: istoriia, kul'tura, fol'klor* [Megino-Kangalassky Ulus: History, Culture, and Folklore]. Yakutsk: Bichik, 2001, pp. 48–49. (In Russian)

Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as Part of Russian Empire]. Moscow: NLO, 2007. (In Russian)

Sofroneev P. S. *Iakuty v pervoi polovine XVIII veka* [Yakuts in the first Part of 18th Century]. Yakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. (In Russian)

Trepavlov V. V. *Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatary* [Steppe Empires of Eurasia: Mongols and Tatars]. Moscow: Kvadriga, 2018. (In Russian)

Chertykov V. K. *Khakassii v XVII — nachale XVIII veka i ee vzaimootnosheniia s Rossiei i gosudarstvami Tsentral'noi Azii* [Khakassia in 17th — the Beginning of the 18th Century and its Relationship with Russia and the States of Central Asia]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. (In Russian)

Sherstova L. I. *Turki i russkie v Iuzhnoi Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaia dinamika XVII — nachala XX veka* [Turks and Russians in the South Siberia: Ethnopolitical Processes and Ethnocultural Dynamic in 17th — at the Beginning of 20th Centuries]. Novosibirsk: Izdatel'stvo instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2005. (In Russian)

Submitted: 29.12.2021

Accepted: 28.02.2022

Published: 10.04.2022